

Беспредел

Автор:

Николай Леонов

Беспредел

Николай Иванович Леонов

Гуров #23

Действие новой остросюжетной повести Николая Леонова разворачивается в сегодняшней Москве. Неизвестные захватили семью посла Азербайджана в Англии. Убит генерал ФСБ. Кто стоит за этими событиями? Полковник Гуров и его друзья вступают в схватку не только с бандгруппой, но и с коррумпированными чиновниками.

Николай Леонов

Беспредел

Пролог

Абасов Рафик Асад-оглы, статный тридцатипятилетний красавец, одевался элегантно, на английский лад и походил бы на британца, если бы не был смугл и черноволос. Он говорил по-русски в совершенстве, на английском и французском с легким акцентом.

Отец Рафика долгие годы работал в представительстве Азербайджана в Москве. Мальчик закончил московскую школу, затем университет, работал два года под началом отца, отучился в аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию и

улетел в Англию, в Оксфорд.

Благополучие отца и сына Абасовых объяснялось не столько их способностями, сколько родственными связями. Брат отца, родной дядя Рафика, был секретарем ЦК, его ценили в Москве, принимали в Политбюро. Отсюда и возможность продолжить образование в Англии.

Блестяще образованный молодой человек вернулся в Россию, где прожил сознательную часть своей жизни вдали от Баку, на азербайджанском, конечно, говорил, но больше любил русский и Москву, да и друзья его жили здесь, и он понимал: историческая родина не примет его с распростертыми объятиями.

Державу потряс распад на самостоятельные государства, а семью Абасовых швырнуло с Олимпа менее значительное событие. Еще вчера всемогущий дядя был выведен из ЦК, оказался не у дел.

Отец Рафика остался в Москве, работал на скромной должности в посольстве, новые власти Баку не очень привечали старых работников. К тому же Максуд, так звали отца, в восемьдесят девятом (после кончины жены – она сгорела от рака) женился на русской. Но что было для того времени престижно, стало теперь бельмом на глазу.

Молодой денди вернулся в отчий дом в девяносто первом, но, лишенный поддержки некогда мощного семейного клана, был мало кому нужен: соплеменники ценили связи и деньги, а не оксфордское произношение, университетские дипломы и умение носить смокинг.

Официальная Москва Рафику временную прописку продлила, но постоянную давать не торопилась. Квартира у отца была четырехкомнатная, места хватало, но случилась беда. Вера, жена Максуда, начала поглядывать на пасынка отнюдь не с материнским интересом. Максуд, роста среднего, с необъятным животом и лысиной, в свои пятьдесят восемь выглядел значительно старше, а рядом со стройным, высоким красавцем сыном смотрелся просто старым.

История настолько тривиальна, что ее не то что рассказывать – упоминать-то грешно. Отец с сыном любили друг друга. Рафик отца уважал, Вера молодому человеку совершенно не нравилась, но что можно сделать с упрямой русской женщиной на ее территории, в России. Только сдаться.

Сын собрал свой оксфордский багаж, обнял отца, тот отер усы, развел руками. Он и выгнать эту женщину из дома не мог: в Москве прописка – хотя и не Конституция, но стабильность гарантирует. Вера, как всякая женщина, поняв, что с молодым азером у нее ничего не выйдет, обрадовалась, когда несостоявшийся любовник с квартиры съехал. Не дай бог старый козел прописал бы своего отпрыска – жилплощадь пришлось бы делить на троих.

Рафик сунулся было в гостиницу, но даже скромный номер стоил для него как для иностранца – денег космических.

Он поселился, не имея на то никаких прав, в общежитии университета, давал уроки английского и французского, на что и жил. Он имел горячую кровь предков, как уже говорилось, был красив и элегантен, смотрелся иностранцем, каковым, по сути, и являлся. Местные красотки положили на него глаз, но успеха не имели. Рафик оказался человеком ушедшего века, и не то что переспать с женщиной – показаться с ней в компании, протанцевать дважды считал для себя чуть ли не официально сделанным предложением.

Как часто случается, если парень ничей, то женщины за него не воют, со временем смиряются, считая достопримечательностью. «А вот у нас есть Рафик! Хорошо? А у вас такого нет!»

На втором курсе филологического факультета училась девчонка-полукровка, отец – азербайджанец, мать – русская, звали студентку Насиба Джагыр-Кызы. Конечно, никто такого имени произнести не мог, и однокашники окрестили девушку Настей, чаще звали Ксюшей. Внешностью девушка не отличалась: ни хороша, ни плоха, училась средне, только с английским у нее серьезно не ладилось.

Она пришла на занятия к Рафику Асадовичу, мужественно промолчала час, хотела тихо сбежать, но ловкий джигит девушку перехватил. И, как оказалось, на всю оставшуюся жизнь.

– По-английски ты не говоришь? А по-русски? – Рафик крепко держал девушку за руку. – Ты из Баку?

Надо сказать, Рафику не рассказали о соплеменнице ничего плохого, лишь удивлялись – как, мол, девчонка прилетела в Москву, поступила в университет, даже перешла на второй курс.

– Как будем жить дальше, Насиба? – спросил Рафик по-азербайджански, усаживая девочку за стол. – Папа будет прилетать, приносить чемоданы денег... Чем все кончится?

Насиба привстала, поклонилась.

– Я не хотела в Москву, уважаемый Рафик Асад-оглы. Я умею многое готовить, я быстрая, ловкая по дому, я могу стать матерью многих детей. – Она взглянула на него голубыми, совсем не смущающимися глазами.

– Хорошо. – Он отпустил руку девушки. – Старайся жить честно. Возвращайся в Баку, выходи замуж, рожай детей...

– Но теперь я этого не хочу!

– Тогда, – рассмеялся Рафик, – занимайся днем и ночью, выучи русский и английский или подними интеллект до должного уровня. – Он погладил девушку по голове и добавил: – И забудь о папином кошельке.

Слезы брызнули из глаз Ксюши, и она сразу превратилась в маленькую обиженную девочку.

На факультете никто не обращал внимания на дружбу блондинистой девчонки с лощеным выпускником Оксфордского университета. Все знали, что Рафик дает частные уроки, а это дело обычное.

Взаимоотношения у них были странные. Ксюша ходила за Рафиком, но на расстоянии, ненавязчиво, он вроде бы не замечал ее, но, когда она на несколько минут исчезала, искал ее взглядом, чувствовал себя беспокойно, словно потерял что-то.

Девушка влюбилась в Рафика в тот момент, когда увидела его в первый раз. Известно, мужчины порой бывают толстокожи. Рафик долго не замечал ее

влюбленных глаз, хотя окружающие не только знали о чувствах Насибы, но даже устали данную тему обсуждать. Рафик прозрел и со свойственным его предкам темпераментом принялся за дело. Он встретился с отцом, получил благословение, сделал девушке предложение.

Свадьбу устроили в складчину, хотя отец Рафика и возражал, – в роду существовали иные обычаи, но на достойное застолье денег не было, цены летели вверх, и женились они как обыкновенные студенты.

Когда беременность скрывать стало невозможно, Рафик начал решать жилищную проблему. Декан был членом Моссовета, стареющему ученому нравился молодой Рафик. После некоторых формальностей Рафик и Насиба получили московскую прописку и комнату. Счастье молодых казалось беспредельным. В положенные сроки Насиба, которую подруги упрямо называли Ксюшей, хотя если уж переделывать ее имя на русский лад, ее следовало звать Настей, родила и неожиданно расцвела, похорошела.

Но жизнь, решив преподнести Рафику сюрпризы, понеслась вскачь. Его пригласили в посольство Азербайджана и предложили вернуться.

Ничего неожиданного в этом предложении не было. Брат отца, недавно опальный партаппаратчик, вернулся во власть, стал членом правительства.

Канцелярская машина обычно работает крайне медленно, только очень внимательный человек заметит, что шестеренки все-таки крутятся. Но случается – дым стоит коромыслом, все начальники на месте, бумаги подписываются мгновенно.

Рафик Абасов только прилетел в Баку, а уже на следующий день был принят премьером, а через месяц приземлился в Лондоне, где вскоре вручил свои верительные грамоты.

Вчера – никто, сегодня – полномочный посол Азербайджана. В Лондоне Рафик и Насиба, которую тут же стали называть «госпожа Настя», произвели фурор своей открытостью, обаянием и гостеприимством и, конечно, своим английским. Абасовы быстро добились успеха, особенно в светских кругах.

Журналисты даже заключили негласный договор: не использовать ради сенсации по-детски наивные заявления госпожи Насти.

Через два года Насиба родила дочь, Рафик работал успешно, ничто не предвещало серьезных перемен.

Глава 1

Он родился в пятьдесят шестом году во Львове, и, хотя отец у него был поляк (так было записано, самого батю Николай никогда не видел), а мать – украинка, мальчишки звали его русским. Во Львове никогда не любили русских, а на окраине города, где лепилась хибара Росиных, русским называли всякого бездельника, хулигана и пьяницу. Отца не было, мать стирала и убирала в соседних домах, так что происхождение его было далеко не дворянским.

Одни пацаны Николая уважали, другие презирали, но боялись все поголовно. Как бы в отместку за безродье и нищету природа наградила его недюжинной силой, а улица воспитала злость и жестокость. В пятнадцать лет он дрался на равных со взрослыми мужиками, пил и курил, конечно, воровал и был пойман. Но свидетели – дело произошло на базаре – и потерпевший очных ставок с «убивцем» не выдержали, а так как происхождения он был самого пролетарского, к тому же малолетка, дела даже не завели.

Призвали в армию Николая Росина за два месяца до срока, тут уж военком постарался.

Солдатом он оказался неплохим, можно сказать, хорошим. Работы никакой не гнушался, сызмальства привык, бегал, прыгал, подтягивался на равных со «стариками», а когда дело дошло до драки, то он сразу уложил троих и лишь потом стал выяснять, зачем они к нему подошли.

На замирение потребовали литровку самогона. Николай дал гонцу в лоб, затем сходил в ближайшую деревню и принес четверть. «Старики» его признали полностью, и он раньше всех получил лычку.

Все шло нормально, начальство Росина не замечало, о чем еще может мечтать солдат? Кореша уважали, поселковые девки любили. Он был невысок, но статен, а прищур его голубых глаз действовал на них сильнее бронбойного снаряда.

Казалось, ничто не предвещало потрясений, но Политбюро, видимо, решило, что все слишком хорошо и как бы народ от жиру на Кремль не пошел, потому послали людей воевать в Афганистан. Что нам афганцы, что мы им? До сегодняшнего дня не выяснено. Однако десять лет люди убивали друг друга старательно, даже с фантазией. Николай научился стрелять лежа и с ходу, в живот и в спину, между глаз и в сердце, в душманов, стариков, женщин и детей, резать ножом и колоть, многому он научился, еще большего насмотрелся. Он видел, как оставляют раненых, потому что самолет генерала перегружен награбленным. В общем, он видел войну во всей ее красе, главное, он понял: война совершенно бессмысленна, но почему-то не прекращается. Даже когда все газеты мира написали, что война кончилась, людей продолжали убивать.

Наконец Роцин, какой-то писарь переврал «с» на «щ», чем лишил воина двух боевых наград, вернулся в Россию, где его никто и нигде не ждал.

Некоторое время он болтался без дела, однажды попал в чужую разборку и, выученный убивать, убил.

Тут ему дважды повезло; убийство не удалось доказать, а в камере он познакомился с интеллигентнейшим человеком, который за четыре месяца, пока тянулась эта бодяга, прочитал смышленому парню полный курс лагерных наук. Так что вышел из тюрьмы Николай Роцин без орденов и дипломов, но с высшим юридическим образованием. Мало того, многоопытный учитель, некогда закончивший Сорбонну, используя нехитрые предметы камерного быта, научил Николая, как пользоваться ложкой, вилок и ножом, рассказывал, сколько за столом подают тарелок и рюмок, как подзывать официанта, провожать и встречать даму.

Уроки маэстро пользовались в камере огромной популярностью, педик Каленый с удовольствием изображал даму и не садился, пока ему не подадут скамейку.

Разодрали на полосы полотенце, учились завязывать галстук, с хохотом обсуждали, какие носки надевают к какому костюму.

Все хохмили, подгоняя время, лишь Николай относился к учебе серьезно – почему-то верил, что в жизни все пригодится.

Он не прожил на воле и месяца, как его пригласили в сильную преступную группировку, опытные бойцы всегда в цене, но не прижился, воровская стая пришлась не по душе. И не то чтобы Роцин был чистюлей, война от подобных глупостей отучила. Но воровские законы ему были противны, коллективный грабеж казался мелким. Роцин вновь стал волком-одиночкой.

И тут Грачев, тогдашний министр обороны, решил, что маршал должен ездить не только на «Мерседесах», но и на танке, и рванул на Грозный. Николай уже знал: с народом воевать можно, но победить нельзя. Потому Роцин устроился на хорошую должность во второй эшелон российских солдат, где восемнадцатилетним пацанам объясняют, что винтовка состоит из приклада, цевья и ствола, и начал их бить и калечить, приговаривая, что чем дольше лежишь в госпитале, тем дольше живешь.

Занятия, которые проводил Николай Роцин, назывались «обучение рукопашному бою». В этом, казалось бы, непростом деле ему в дивизии не было равных, и война в Чечне прошла для Николая бескровно, но душу покалечила окончательно.

Жизнь человека ничего не стоит, в верхах сидят подлецы и подхалимы, а воровать – дело благородное, только попадаться не стоит. Но он не шел на хозяйственную работу, где воровать сам бог велел. Обучал мальчишек, и у него получались неплохие бойцы, злые и беспощадные, как и он сам.

Все кончается. Когда высшие чины наворовали по горло, война затухла. Человек не может съесть больше, чем в него влезет, так и украсть, казалось бы, можно беспрельдно, ан нет, есть предел.

Война не закончилась, затухла. Отдельные, еще голодные шакалы убивали, брали заложников, чего-то тащили, но народ устал, люди хотели жить.

Роцин, опять без орденов, приехал в Москву, начал искать работу.

Рафика Абасова пригласили в Баку. Человек слишком долго жил в Лондоне. На родине были и другие, желающие занять его пост. Очень уважаемая семья, даже клан, желала сменить посла в Лондоне, пыталась оказать давление на Президента, но последний уперся, и стали искать иные пути.

Посол с семьей летел через Москву, где собирался провести несколько деловых встреч. Недруги решили воспользоваться случаем, задержать Рафика в Москве любыми способами и при возможности – убрать.

Хотя Азербайджан стал суверенным государством, «чекисты» Баку нашли знакомых «чекистов» в Москве, обратились к ним, подкрепив просьбу достаточно солидной суммой долларов. К тому же представилась возможность нанести двойной удар и не только устроить на теплое местечко родственника уважаемых людей, но и основательно поколебать дружбу Москвы и Баку.

Первое дело, конечно, деньги, затем люди. Деньги достали быстро, а с людьми получилась накладка. Большой генерал был неглуп, приказал в операции использовать только русских: они не отличают кавказцев друг от друга. Свидетели должны видеть только русских, и никаких боевых контактов. У нас методы тихие. Действуйте. Шереметьево – режимный объект, хорошо охраняется, действуйте тонко. Правительственную делегацию следует увезти из Шереметьева так, чтобы никто и не шелохнулся.

Большой генерал вызвал генерала поменьше, спросил: «Задача ясна?»

Первой мыслью генерала-исполнителя была мысль о болезни, даже операции. Грыжу давно следует удалить. Но он отогнал эту мысль – не поймут и не простят. Генерал Костылев, хотя и бывал в Афганистане, был человек не шибко смелый. Однако приказ есть приказ.

* * *

Все для Рафика Абасова сложилось в этой истории неудачно, если сказать по-русски – «сошлось». Один из замов руководителя госбезопасности Азербайджана (он как раз и был близким родственником семьи, которая желала заместить Рафика на посту в Лондоне) в прошлом имел спекулятивные связи с неким русским доцентом из Московского университета. Деляги открыли «линию» из

«Баки» в Москву: с Каспия гнали вкусную рыбку, из Москвы – деньги. Дружба было оборвалась в горестный момент Беловежья, но вскоре вспыхнула с новой силой: доцента оценили как крупного демократа и назначили в Систему на ответственный пост. Когда новоиспеченный азербайджанский генерал оказался по делам в Москве – он позвонил старому другу-спекулянту и обрадованно узнал, что тот теперь тоже «чекист». Встретились, обмыли, как положено, условились помогать друг другу – буде возникнет надобность. Когда же она у азербайджанского друга возникла – русский друг все понял правильно и, как Большой генерал, вызвал генерала маленького – честного, но трусливого Костылева. Тот был на грани пенсии, вырос и сформировался в те времена, когда любая просьба любого негодяя из Партии или Системы рассматривалась как пожелание самого Ленина.

Что же касается «преступных группировок» – Костылев был профессионал и понимал, что в то безрадостное мгновение, когда спецслужба опустится до прямого контакта с уголовным миром, она перестанет существовать. Для общения с «низами» есть МВД, милиция. Она – помойка по призванию и определению, ее дело чистить сортиры и свалки. У Костылева еще по далеким коммунистическим временам (он тогда служил в Третьем управлении КГБ, в орбите которого было и МВД в целом) остались связи в Главном управлении уголовного розыска. Был там один майор (теперь уже генерал-майор), который наболтал лишнего в нетрезвом виде на свадьбе у приятеля и сгорел бы синим пламенем, если бы не Костылев. Подполковник Костылев сжалился над дурачком и дело замял – бескорыстно, по-человечески. Теперь Костылев знал точно: генерал милиции Зотов ничего не забыл и исполнит все, о чем ни попросит «старший брат». Мент и познакомил Костылева с Роциным, представив генерала как «нуждающегося человека». Роцин был «на связи» у Зотова. Это особая история, и она заслуживает того, чтобы рассказать о ней отдельно.

Дождь упал сразу. Казалось, в небе опрокинули огромную шайку воды, она о воздух разбилась на брызги и стала долбать по городу. Зотов стоял в двух шагах от подъезда, но, пока эти два шага сделал, промок до нитки.

– Зонттик надо таскать, – произнес человек, стоявший в дверях. – Здорово, давно не видались.

Человек в гимнастерке был не кто иной, как Николай Роцин. Он оказался здесь совершенно случайно. Люди улетали в космос, ходили по Луне, но так и не

познали, что есть случай, который подстерегает их за углом дома или, как сейчас, в обшарпанном подъезде.

Рощин и Зотов встречались однажды в Афганистане. Если для Зотова та встреча была лишь давно перевернутой и забытой страницей, то для Рощина она осталась незаживающей раной.

Взвод потерял в стычке с душманами больше половины людей, с собой удалось унести лишь троих раненых, остальных бросили среди чужих скал. Рощин цедил из алюминиевой кружки спирт, не хотел ни о чем думать, лишь бы напиться и заснуть, когда в блиндаж вошли три офицера. Для них этот тихий блиндаж был передовой, появление здесь золотопогонников расценивалось в штабе как героизм.

Солдаты вскочили, Рощин остался сидеть и лишь отставил кружку со спиртом.

– Плохо воюете, – заявил впереди идущий, судя по всему, только прилетевший начальник. Стеганая куртка закрывала его погоны. – Встаньте, сержант!

– Ногу прострелили, – равнодушно ответил Рощин. Никакого ранения он не получил, но быть уличенным во лжи не боялся. Николай в тот момент вообще ничего не боялся.

Сержант смотрел в холеное лицо офицера так внимательно, словно знал, что запомнить это лицо совершенно необходимо.

Офицер порассуждал о том, что бойцов нужно беречь, и наконец убрался. Один из солдат сказал, что это – крупное говно из штаба и с ним надо разговаривать осторожнее.

– Пристрелить бы его, – мечтательно произнес Рощин и вновь взял кружку.

И вот спустя столько лет Рощин мгновенно узнал Зотова, хотя на том сейчас серела форма полковника милиции. Ненависть колыхнулась в Рощине, словно он вернулся в блиндаж, почувствовал боль потерь и обжигающий вкус спирта.

– Дождь пошел как-то сразу, – оправдывался Зотов, осматривая свой сразу же вымокший мундир.

Рощин снял с Зотова фуражку, ударил о колено, затем этой фуражкой стряхнул с полковника воду и вновь надел тому на голову.

– Будь здоров, воин, полковник милиции сраный. Что молчишь?

Только теперь вспомнил Зотов непримиримые глаза сержанта Рощина и давний уже разговор с ним в блиндаже. Но ответить не успел...

Когда очнулся, понял – пистолета нет, бумажника нет, голова болит. Рощин стоял рядом, беспечно курил; увидев, что Зотов пришел в себя, взял его под мышки, поставил на ноги, четко, не очень громко сказал:

– Дурака не валять.

Ливень кончился, вышли под морозящий дождь, Рощин толкнул дверь первого же кафе, отвел Зотова в угол, усадил, сделал заказ, спросил:

– Ну что, погоны жмут или трусы узкие? Выпей рюмку, простудишься.

– Пистолет отдай, – пробормотал Зотов. – На мне форма, я на помощь сейчас позову, а тебе – конец.

– Позови. Я тебе дырку и сделаю. – Рощин показал под скатертью пистолет Зотова. – Так что лучше молчи. Живешь один?

– Один. Ты... это, не играйся с оружием. Там патрон в патроннике.

– Еще лучше. – Рощин чувствовал, что случайную встречу можно использовать для выполнения давно вынесенного приговора. – Ты в моих глазах отвечаешь за гибель всех моих товарищей – тогда, в Афгане. Живешь недалеко?

– Рядом. – Зотов чувствовал себя то ли во сне, то ли под гипнозом.

– Идем. – Рошин сунул пистолет в карман, помог полковнику подняться.

...Квартира Зотова оказалась нешикарная, половина мебели стояла нераспакованная, в ящиках.

– Приезжаешь, уезжаешь? – спросил Рошин.

– Приезжаю.

– Золотой ты мой! Значит, тебя и в доме не знают, – обрадовался Рошин. – Давай по сто грамм, и начинай свою одиссею.

Здесь ошеломленный Зотов вспомнил о газовом пистолете – лежал в коробке, на подоконнике, – хотел подарить приятелю на день рождения. Только вот как добраться... Чертов сержант дока, если просечет – финиш мгновенно и безболезненно.

– Черт с тобой... – произнес Зотов. – Убить хочешь? Отомстить за прошлое? Афганистан? Афган как бы? Мне еще тогда твои глаза не понравились... Злые. – Зотов встал и медленно направился к подоконнику. – Ладно, берег дочери на свадьбу, а теперь угощу тебя. Французский коньяк, да не какой-нибудь там «Наполеон», тут, знаешь ли, приезжал Президент Франции, договаривались о контактах... – Не сводил глаз с замороженно слушающего Рошина; тот, как всякий простой человек, млел и таял от рассказов о «высших», это видно было. – Ну, я предложил, чтобы ихняя жандармерия и наша, так сказать, милиция законтрачили... – Уже открывал коробку, срывая клейкую ленту.

– А чего она такая маленькая? – изумленно спросил Рошин.

– Так коньяк еще от Людовика Первого! – натужно улыбнулся Зотов. – Ценность-то какая! – Выстрелил в лицо Рошину, того словно сильным ударом свалило на пол. Рухнул, закатил глаза, дышал прерывисто, со свистом. «Еще сдохнет не дай бог... – подумал было полковник милиции, но тут же рассмеялся: – Чушь. Взял грабителя с поличным. Молодец! А даже если и откроется, что давняя связь, по Афгану еще? И что? А ничего».

Связь... Он вдруг понял, что в руки приплыла весьма крупная щука. Этот выродок – даже если он и мастер-одиночка (не говоря уже о том, что вполне может быть и в стае) – не просто агент, а находка самой высшей пробы. Завербовать, а потом внедрять – по надобности. Класс!

Связал намертво, вызвал опергруппу, на следующий день пришел к поверженному сержанту в «одиночку». Разговор был короткий и действенный. Уже через полчаса Роцин дал подписку о сотрудничестве и легко сдал свою «боевую» группу, бандитов второй руки. Министр выслушал доклад, сказал задумчиво: «Их всех надо бы... А?» – «А как же, товарищ министр!» – радостно отозвался Зотов. Через неделю, во время работ по разборке флигеля на территории старой тюрьмы на двоих подельников Роцина рухнула вполне случайно двутавровая балка...

Но сержанту об этом не сказали. Возможная месть бывших сотоварищей и, главное, огласка «ссучивания» были лучшей гарантией «сотрудничества» с «органами». Роцин стал служить бывшему врагу верой и правдой.

Зотов встретился с генералом Костылевым на конспиративной квартире ФСБ. О том, что это именно конспиративная, а не явочная квартира, было ясно многоопытному зотовскому глазу хотя бы потому, что комнаты имели не вполне жилой вид, а на стене висела плохая картина, изображавшая рыбную ловлю. Фужеры и рюмки в серванте давно покрылись вековой пылью (сам Костылев их не мыл, а на прислугу у ФСБ давно уже денег не было). «На явочной хозяйка давно бы все вымыла и вычистила, – подумал Зотов. – Ну, да ведь моменты нынче, а не времена...»

– Нашел человека? – сухо спросил Костылев.

– Да. Мой агент. Псевдоним – Солдатов. Боец, убийца, умен, находчив. Я ему, естественно, ничего не сказал.

– Ты, естественно, ничего и не знаешь, – без улыбки отозвался Костылев. – Как сообщил обо мне?

– Мол, есть человек, нуждается. Остальное – дело ваше. Я могу идти?

- Ступай и забудь. Я, конечно, благодарен и не забуду.

- Очень тронут, - ухмыльнулся, не сдержавшись, Зотов. - Я только обязан предупредить, предостеречь: агент полагает вас особью преступного мира. Задание, которое дали агенту мы, - помочь нуждающемуся человеку. Ясно: мы несем ответственность только в рамках задания. Так что будьте крайне осторожны.

На этом и распрощались.

Костылев нашел Рощина на согласованном месте точно и в срок. Всмотрелся: и правда, глаза - два шила, злющие. Но в лице точки, россыпью, некоего интеллекта. Не дурак, хитер, силен. Решил держать себя как преступный авторитет - на вора в законе, подумал, не вытянуть, обхождения не хватит.

- Здесь говорить не станем. В «Савое» бывал?

- Бывали-с... - Рощин тонко улыбнулся. - Любите хорошую кухню?

- Идем. - Костылев рассыпаться не стал, не положено. Они ведь не друзья.

В зале Рощин заинтересованно обвел взглядом золоченую лепку, зеркала на потолке и вздохнул:

- Правильно «Комсомольская правда» писала когда-то... Жизнь прошла мимо.

- Она вернулась, считай, что так. На мгновение. А если сладимся... И навсегда.

Приступили к закуске. Костылев жадничать не стал и из авансированной азерами суммы заказал икры разной, рыбки красной и белой, «Смирновской».

- Мне мучительно больно за бесцельно прожитые годы, - произнес сквозь кашу во рту Рощин. - Премного благодарны.

Ирония не понравилась, но поезд тронулся, отступить было поздно.

– Дело стоит тридцать тысяч баксов, – сказал Костылев ровным голосом. – Задержишь на срок указанных лиц, а еще лучше, отправишь на луну – получишь все сполна. От меня лично. С благодарностью. Попытка выкрутиться безжалостно пресекается. Никаких вбок-назад. Любой инициативе – стоп. Все понял?

– Вы так говорите... – протянул Роцин. – Здесь? – огляделся. – За этим столом?

Костылев поймал изучающий глаз. «А он не прост, совсем не прост, этот агент ментовский... Надо держать ухо востро».

– Не держи за лоха. О чем базар? То и исполняй. А об вечном покое мы позаботимся без тебя. Здесь все жуки, но «жучков» не ставят. Если не велено. Все понял?

– Ладно. Мне – тридцать. А общий гонорар – он каков?

«Вот сволочь... – Костылев обмер. – Подставил суку чертов мент... Да ведь это – явный прокол!»

– Я бы тебе ответил на языке... Но скажу, как в детстве мама говорила: любопытной Варваре нос оторвали. Усек?

– Я пошутил. – Роцин тщательно вытер рот крахмальной салфеткой и громко рыгнул. – Давайте о деле.

Еще полчаса Костылев объяснял – где получить милицейское обмундирование и оружие, документы и транспорт. Назвал несчастного Рафика. Напоследок сурово сдвинул брови:

– Все должно выглядеть как чрезвычайное задержание. Что бы он там ни орал на публику – никто не поверит. Азеров в Москве не любят, чем они шикарнее одеты – тем больше ненависти в русском человеке. Так что вы работаете безопасно и наверняка. Деньги выдам тебе, а вот станешь ли ты делиться с братвой... Твое дело. Из личного опыта скажу так: чем денег лично у меня больше – тем лично мне лучше. Все понял? Тогда пошли.

У парадного Костылева ждал ничем не примечательный «жигуль» шестой модели. Перехватив удивленный взгляд «подельника», Костылев выдавил улыбку:

- Главное – не светиться. Тебя подвезти?

- До метро. А если не жалко – до Марьиной, там обретаюсь.

Что заставило многоопытного Костылева принять предложение? Это навсегда останется загадкой. Роцин сел рядом, на переднее сиденье, машина рванулась с места и понеслась по счастливым демократическим улицам в некогда обетованное воровское место – Марьину Рощу.

По дороге не разговаривали, Костылев вдруг ощутил несварение от обильной острой пищи и тоску в сердце. Роцин косил волчьим глазом и тоже молчал. В тихом переулке велел остановиться и, поглядывая загадочно, произнес со значением:

- Человек – располагает, а бог – предполагает.

- Наоборот, – отозвался Костылев, нетерпеливо уже ожидая, когда же наконец скользкий пассажир опростает автомобиль. В этот момент Роцин и нанес удар ножом в шею, под правое ухо. Генерал всхлипнул и потек под сиденье.

Машину Роцин отогнал на безлюдный угол кладбища, у стены. Здесь не хватятся до утра, если не дольше. Путь к единоличному успеху был открыт. Совесть не мучила по причине ее полного отсутствия, оковы сотрудничества с Зотовым наконец-то пали навсегда. Пусть теперь Зотов объявляет всероссийский и всеэсэновский розыск, обращается к Интерполу – все это говна-пирога. Ничего более не может милиция, нарыв на теле народа, куча бездельников и лоботрясов...

Собирая нехитрые пожитки на «хазе», Роцин думал о том, что затея возникла дурацкая, исполнить ее будет крайне сложно. Во-первых, все «пункты», указанные покойником-заказчиком, отпали сами собой. Там ни машин, ни оружия, ни форменной одежды более не получишь. Да и зачем? Этот ныне

мертвый придурок из госбезопасности (а откуда же еще? Роцин сразу все понял, как только собеседник стал рассказывать об арсеналах и каптерках. У мафии этого ничего нет и быть не может за ненадобностью. Прокололся фээсбэшник чертов, скиксовал, гаденыш неживой...), может быть, всерьез уверовал, что, кроме государства, никто в стране ничем не владеет и сделать ничего не может. А зря...

Есть друзья. Сколько их служит в той же московской милиции? До гроба преданные не присяге несуществующему «народу» и еще менее существующему «руководству», а фронтовой, боевой, кровавой дружбе, выстраданной не речами о том, «как надо», а выжженными кишлаками, спаленными женщинами, детьми, выколотыми глазами душманов, выжженной землей, и без того, впрочем, мертвой...

Соберем друзей, сделаем дело, а выйти на «заказчика мероприятия» – это раз плюнуть. Это недолго и затрат не потребует.

Первое дело – хата, думал Роцин. Где держать такую ораву? Известно, лист следует прятать в лесу, человека – среди людей. Из Москвы не вывозить ни в коем случае. В другом месте они будут светиться, как фонарь над дорогой. Второе – разделить. Отца держать с сыном, мать – с дочерью. Искать будут в Подмоскovie, решат, заготовлена дача. Вообще они будут считать, что имеют дело с умными, расчетливыми людьми. Потому умных ходов не делать.

Как увезти четырех людей, Роцин знал, а не получится, значит, не судьба. Жить в Москве без денег нет смысла. Как получить деньги, он тоже знал, а не выйдет, значит, не судьба. Она занимала в его планах процентов пятьдесят, если не больше. Такой шанс он считал очень высоким, часто в бою у него не набиралось и десяти.

Теперь люди. Он позвонил Леше, спокойному, флегматичному сержанту, который оставил два пальца в Чечне, воевал и в Афганистане, где получил Красную Звезду, но дошла до него лишь медаль «За боевые заслуги», и Леха за ней в военкомат не пошел.

Роцин знал, Леха годился: он жил бедно, вкалывал чернорабочим, любил Родину умеренно, чтобы не сказать жестче, называл ее мачехой.

Был еще Юрка, блондинистый, горбатый, сильный, словно плоскогубцы. Сирота. Нищий. Умеренно пьющий. Он боялся только ранения в живот, так как имел язву, порой повторял: если в живот влепят, могут язву убить, как я без нее жить буду? Юрка тоже годился, был смел, два раза умирал, единственный недостаток – безумно любил детей. Чеченский пацаненок ему пулю в бедро засадил, так он его на одной ноге поймал и в госпиталь с собой уложил, сказал, мол, брат. А пареньку грозил, мол, будешь шуметь, я тебе пулю, что ты мне в ногу засадил, не подарю. Позже Юрка достал серебряную цепочку, продел сквозь пулю и соорудил парню амулет. Они были действительно словно братья, только один черненький, другой беленький.

Не откладывая надолго, Николай собрал друзей, рассказал о деле. Ребята выслушали, затем Леха басом сказал:

– На месте смотреть надо.

– К месту ты явился, командир, – сказал Юрий Заров. – Нищета обрыдла. А рисковать для нас – дело привычное.

– Что делает перво-наперво боец, прежде чем начать бой? – спросил Роцин. – Ищет укрытие. Использует ландшафт либо копает. Допустим, мы такие ловкие и семью захватили. Куда мы денемся?

– Я квартиру получил в Бибиреве. – Юрий несколько смущенно улыбнулся. – Двухкомнатную. Жена ушла с каким-то бизнесменом. Я в «апартаментах» один маюсь.

– Тебе всегда везло, – обронил Леха. – Помнишь, в «волчьей пасти» нас «духи» накрыли? Ты один и выполз.

– А ты, Большой, там остался? – ощерился Заров.

– Не говорю, ты вытащил. Но то другая история.

– Как вам обоим мозги не отшибло? – усмехнулся Роцин.

– Мы все помним, командир, потому и подписываемся, идем с тобой. Нам с этой власти причитается. Она нам не мама.

– Бибирево, говоришь? Поехали, смотреть будем.

Дом, где располагалась квартира Зарова, был заселен лишь наполовину. На верхних этажах не было раковин и унитазов. Роцин посчитал, все складывается к лучшему, новоселы не знают друг друга.

В квартире афганцев встретил Шамиль, тот самый мальчишка-чечен, который стрелял в Зарова, валялся с ним в госпитале, теперь жил у него, втихую воровал на ближайшем рынке.

– Ну, как? – Заров развел руками. – Еще не все. – Он достал связку ключей, отпер соседнюю квартиру. – Жилище Ивана. Наш человек, ногу оставил там, тут заимел было жену, получил хоромы, а девка сбегла. Одноногий, без денег, кому нужен? – Афганец прошелся по квартире, остановился у кадки с диковинным растением. – Это Федя, его Ваня вместо ноги из Афгана приволок, мне велено его поливать. Ванька подался к матери в деревню, когда вернется, не говорил, не раньше уборочной, это точно.

– Квартиру запри, будет как резерв главкома. – Роцин вернулся в квартиру Зарова, глянул на Шамиля, спросил: – Парень не болтун?

Шамиль зыркнул черными глазами, отвернулся, а Заров ответил:

– Честно скажу, огнем не жег, а иначе слова не вытянешь. Иной раз такая злоба берет, вроде и брат имеется, а поговорить не с кем.

– Годится. – Роцин почесал затылок. – Паренек сгодится. – Он достал пачку долларов, которые забрал из кармана покойного Костылева. – Валюту надо поменять, купить раскладушки, одеяла, подушки, жратвы на неделю...

К вечеру квартира имела семь койко-мест, полный холодильник еды. Появился в одной из комнат и большой круглый стол, и восемь вполне приличных стульев. Доллары Заров поменял, но деньги вернул Роцину почти целиком. Объяснение тому было довольно простое. Новоселы тащили из своего старого жилья всю

мебелишку, оставить духу не хватало. Приехав в новую квартиру, люди пытались старье как-то пристроить, кому удавалось, многие выносили привезенное на улицу. Шамиль в первый же день это заметил и под лестницей оборудовал нечто похожее на склад. А мальчишкам-конкурентам либо тем, которые хотели поживиться «добром» Шамиля, чеченец показал нож и лаконично сообщил:

- Пахан велел не трогать.

Рощин одобрительно все осмотрел, определил: задняя комната для «гостей», большая проходная – хозяйская.

Затем разведчики оставили Шамиля и поехали ближе к центру, где быстро экипировались: серые костюмы, черные туфли, носки, рубашки, даже галстуки. Последние умел завязывать только Рощин.

Когда они переоделись, сходили в парикмахерскую, то выглядели не то гэбэшниками, не то некой «охранной структурой».

Начальник убитого Костылева генерал Рыгалин расхаживал по своему кабинету и матерился на чем свет стоит.

У дверей стояли, вытянувшись, два полковника, старались на разгневанного начальника не смотреть.

- Чекисты... Мать вашу... Генерала, собственного начальника потеряли! Где Костылев?

- Телефон не отвечает, – пробормотал один из полковников и вспотел. – Съездили на квартиру, звонили – глухо.

- Соседи, кто в доме видел его? – Почувствовав неладное, Рыгалин голос убавил. – А он на сердце не жаловался?

Полковники переглянулись, пожали плечами, один тихо сказал:

– Может, дверь вскрыть?

– В Склиф звонили? Какие там в районе лечебницы? Ищите, ищите, дверь сломать несложно! – вновь повысил голос Рыгалин.

Посол с семьей прошел из самолета «рукавом», в здании их встретили пограничники, минуя формальности, взяли паспорта, прошли в гостевую. Посол Азербайджана в Москве приветствовал коллегу из Лондона. Судя по краткости его речи, Рафик понял: настроение в Баку снова изменилось и дядю то ли отстранили совсем, то ли задвинули на незначительный пост. Рафик ответил крайне вежливо, но коротко, московский посол тут же уехал, сопровождающие его чиновники исчезли мгновенно.

Насиба, не обращая внимания на протокольные хитрости, держала детей за руки и считала чемоданы, которые носильщики укладывали на тележке.

Водитель «Мерседеса», который прислали за Рафиком и семьей, стоял, опершись на багажник, курил и презирал окружающих. Он принадлежал к посольству иностранного государства и усмешливо смотрел на суматоху, на всеильных гаишников, которые обходили его машину стороной. Известно, прислуга знает все. Шофер знал, что встречает опального человека, потому не смахивал пылинки с сидений, не протирал лишний раз стекла.

Заров подошел к водителю, достал пачку «Мальборо», предложил закурить. Когда шофер отказался, закурил сам, согласно кивнул:

– Аллах все видит.

Водитель по строгому костюму определил в мужчине фээсбэшника, улыбнулся и взял сигарету.

– Аллах сейчас отвернулся, – и закурил.

– Все в порядке? – спросил Заров.

– Ну? – Водитель презрительно махнул рукой. – Кому нужна сброшенная из игры карта?

– Тоже верно. – Заров стоял так, что водителю не был виден маленький Шамиль, склонившийся к переднему левому колесу.

Через несколько минут «Мерседес» с семьей Рафика неспешно катился к Ленинградскому шоссе. Машин вокруг было немного, но достаточно, чтобы ехавшее следом такси, за рулем которого сидел Леха, никому не бросалось в глаза. Да и смотреть-то, в сущности, было некому. Еще одно такси, за рулем которого был Роцин и на заднем сиденье примостился Шамиль, на переднем – Юрий Заров, шло параллельно «Мерседесу» Рафика. Конечно, если бы посольский водитель вез Человека, то не позволил бы каким-то «Волгам» ехать вровень, поддал бы газу, и неизвестно, чем бы это кончилось, но вскоре у посольской машины начало стучать левое переднее колесо. Некоторое время водитель терпел, хотя и новичку было бы ясно: колесо спустило.

Шофер, злобно кривясь, сказал:

– Колесо надо сменить.

Рафик понимал, что парень ведет себя оскорбительно, и с издевкой спросил:

– Может, помочь?

– Момент, момент! – заторопился шофер, вспомнив, что перегнул палку, когда в аэропорту не вышел из машины, не помог женщине сесть.

Сейчас он выскочил, открыл багажник, чтобы достать запаску, но это было делом непростым: сначала следовало вынуть чемоданы.

– Проблемы? – спросил у шофера гэбэшник, с которым они курили пять минут назад.

С другой стороны шоссе, загораживая «Мерседес» от встречного потока машин, остановилось такси, из которого вышли Роцин и Леха Большой. Он обхватил

голову шофера могучей рукой, резко дернул, шейные позвонки сломались почти беззвучно.

Рощин открыл перед Рафиком дверь.

- Дальше вы поедете в другой машине.

С другой стороны уже вывели Насибу, вынесли детей, из «Мерседеса» в такси быстро перебросили вещи.

Рафик встретился с Рощиным взглядом, сразу все понял, севшим голосом произнес:

- Дети...

- Господин посол, и супруга и дети будут в полном порядке, - сказал Рощин. - Только не делайте глупостей.

Труп водителя забросили в «Мерседес», а неприметные такси ушли в город. Рощин взглянул на свой хронометр:

- Меньше двух минут. - Он усмехнулся. - Без тренировки это совсем неплохо.

До дома Зарова добрались без приключений. Сначала в квартиру провели детей, Насибу и Рафика, быстро пронесли багаж. Леха и Заров бросились к машинам.

Никто из новоселов, да и прохожих, не обратил внимания на два такси, которые подлетели к дому, а через минуту укатили: жизнь текла своим чередом.

Рощин и Шамиль остались с «гостями». Шамиль завладел вниманием маленькой Гемы, катал ее по квартире, начал обучать какой-то незнакомой игре. В машине, когда малышка, разлученная с мамой, разволновалась, он сунул ей под носик какой-то наркотик, Гема стала заторможенной и сонной. Насибу пугали глаза этого мальчика, они были пустыми, мертвыми.

- Рафик, - прижимаясь губами к уху мужа, шептала Насиба, - ты сильный, ходил в спортзал, тренировался. Неужели ты не справишься с этим русским?

– Один на один я мог бы попробовать, – шептал Рафик. – Один шанс из десяти я имею. Но парень приставит нож к горлу Гемы, и все закончится.

– Сколько лет вы обучались в разных там университетах, – сказал Роцин, он будто материализовался из воздуха, – столько лет меня учили убивать. Мне нужны деньги, я не убью господина посла, я сломаю ему руку. – На лице бойца была холодная улыбка. – Наложим шину, истратим бинты, вообще много бессмысленной возни. Не надо толкать мужа в пропасть.

Спокойное лицо Роцина не изменилось, лишь небольшой шрам на лбу покраснел.

Вскоре вернулись Алексей и Заров, они отогнали машины в другой конец города.

Девочка Шамиля совершенно не боялась. Через час они играли, словно родные. Шамиль таскал девчонку по квартире, порой перекидывал через плечи, приговаривая: держись, упадешь, плохо будет.

Рафик держался достойно, понимал, что захвачен, что со временем ему объяснят условия освобождения. За семью он не волновался, знал: все они представляют ценность только живые. Посол сидел с сыном и женой на раскладушке, успокаивая их, убеждая, мол, вскоре все образуется. Октай, так звали мальчика, наблюдал за происходящим с любопытством, ему было шесть лет, он понимал, что их всех взяли в плен, но свято верил в могущество отца и не волновался. Насиба слушала мужа вполуха, не сводила глаз с дочери и страшного парня, который не отпускал Гему ни на шаг.

Когда Насиба видела, как обращаются с ее крошкой, то, закусив шаль, рыдала и однажды прошептала: зверь. Слух Шамиля был действительно звериный, он услышал, подошел к сидевшей на полу матери, спросил:

– Женщина, ты знаешь, как с детенышем обращаются звери?

– Она не хотела тебя обидеть, – вмешался сидевший рядом посол.

– У меня было два брата, – Шамиль поднял за руку Гему, осмотрел. – Один был больше, другой меньше, солдаты убили их.

– Я не верю! – закричала Насиба.

– Они не нарочно стреляли в маленьких детей. – Казалось, лицо Шамиля вырезано из дерева. – Они выпили и просто стреляли, чтобы им было весело.

Висевшая на одной руке Гема начала хныкать. Шамиль забросил ее за шею и вышел.

– Ты мужчина, ты должен что-то сделать! – шептала жена.

Рафик поднялся, сзади шагнул Заров и ударом сбил его с ног. Жена подтащила мужа к себе, мальчонка выглядывал из-за плеча матери и молча плакал.

– За что ты его? – спросил Роцин.

– За яму, в которой я просидел две недели.

Похитители сели за стол, выпили по стопке водки, закусили хлебом.

– Будем считать, начало прошло удачно, – сказал Роцин. – У кого сколько рублей? Доллары пока менять не будем.

Когда все сложили и посчитали, набралось около четырехсот тысяч.

– Забыли купить детям фрукты. Юрик, сходи купи бананы, яблоки, виноград. Тащи сюда посла.

Абасов вошел, держа голову слегка набок.

Роцин подтолкнул ему стул, сказал:

– Мы хотим получить за вас выкуп. Кому лучше дать телеграмму?

– Нас не отдадут без боя, – ответил посол. Надо сказать, держался он хорошо.

- Ты мужчина наверняка умный. Мы сами залезли в эту ловушку, никакого боя не будет, только трупы.

- Не я решаю, - ответил посол.

- Плохо, должен все решить ты. Тогда мы получим деньги и уйдем. Ты и семья останутся живы, - Роцин попытался улыбнуться.

- Гарантии?

- Ты не на переговорах. Выброси из головы глупую мысль, что, раз вы знаете нас в лицо, мы вас обязательно убьем. Мы не хотим ожесточать ГБ, милицию, восстанавливать против себя людей. Все зависит от тебя. Если твое правительство согласно заплатить три миллиона долларов, ни один волос не упадет с вашей головы. Начнется стрельба - мы умрем все. Только мы уже умирали, мы попрощались с жизнью. Ты не знаешь, как это страшно. И у тебя семья. А у нас нет никого.

- Ты прав, но меня не послушают. Престиж страны и прочее... Пообещают, посадят снайперов...

- Ты не уговоришь своих? - спросил Роцин.

- А ты отпустишь меня на переговоры?

- Допустим, я тебя отпущу, ты пойдешь в посольство, объяснишь, как дела. Они скажут, что такой суммы у них нет, нужно время, чтобы собрать деньги. Ты согласишься, пойдешь в гостиницу «Метрополь», снимешь номер, будешь ждать, пока не принесут деньги. Если мы увидим за домом наблюдение, значит, ты продал свою семью.

- Они могут найти вас без меня, - сказал посол.

- Не могут, - уверенно сказал Роцин. - У них нет ни одной ниточки.

- Они обманут меня, - обреченно произнес посол. - Меня легко обмануть.

– Как же тебя назначили послом? – удивился Роцин. – Мне это безразлично. Ты не пойдешь в свое посольство по другой причине. Три миллиона стоишь именно ты, посол. Когда они заполучат тебя, никто за женщину с двумя детьми мне ничего не заплатит. Так что отдыхай.

Хлопнула входная дверь, все вздрогнули, лишь Роцин сунул руку в карман. Вернулся Юрий с пакетами фруктов.

– С ума сойти, все есть, только плати. Который год уже, а я привыкнуть не могу! – Он положил на стол связку бананов, пакет с виноградом и яблоками, достал батон и бутылку водки...

– Я думаю, с выпивкой надо кончать, – сказал Роцин.

– Верно! – Юрий ударил кулаком по столу. – Завтра и покончим.

Глава 2

Полковник-важняк Гуров многое не любил в жизни. Но, если бы ему предложили назвать наибольшее из зол, он бы уверенно произнес: большое оперативное совещание в кабинете министра.

Но в подобных случаях никого не спрашивают и Гурова тоже. Он из принципа, может, из упрямства, пришел в штатском костюме. Друг и непосредственный подчиненный полковник Станислав Крячко вздохнул, слово у койки умирающего, а непосредственный начальник генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов попросту отвернулся.

Гуров на подобные мелочи давно уже не обращал внимания, сел за стол, выложил перед собой две ручки и блокнот, хотя ничего писать не собирался.

Вел совещание первый заместитель министра генерал-полковник Шубин Василий Семенович, мужик неплохой, даже душевный, но в оперативной работе тупой. Это было нормально, оперативных работников в такие верха не пускают. Но, как говорится, кто на земле не пахал, тот и в облаках не летает. Но говорят

мудрые слова в коридорах да в сортирах, а решают кадровую политику на коврах и дачах. Прошу не путать.

Гуров лишь мельком взглянул на собравшихся и понял: кроме болтовни и общих указаний, ничего ждать не приходится. По правую руку от Шубина располагался крупный чин из ФСБ, соответственно и весь ряд по эту сторону занимали контрразведчики. По левую руку от Шубина сидели менты, многих из них Гуров знал лично, даже водку с ними пил.

Операция, проводимая совместными усилиями милиции и контрразведки, редко приводит к хорошим результатам. И все это знают, а сделать ничего не могут. Потому как для этого один из министров должен сказать президенту, мол, дайте нам, мы сделаем. А где такого дурака найдешь? А коли гуртом навалимся, так и отвечать гуртом станем, каждому по щелобану и вновь по углам.

Дело, которое предстояло обсуждать, Гуров знал, довольно тухлое дело. Сегодня в семь тридцать утра из аэропорта Шереметьево-2 похищены, исчезли, пропали, испарились, как угодно, посол Азербайджана в Англии с женой и двумя детьми. Семья летела из Лондона.

Посол находился в Великобритании уже давно, вел дипломатические переговоры, и весьма успешно, получил прекрасную прессу. Королева удостоила жену посла личным приемом, передала в подарок детям Азербайджана много фунтов. И почему-то Москва, а не Азербайджан получила восторженный факс с кучей комплиментов в адрес Рафика Абасова и его супруги. Превозносились их манеры, особенно английский, упоминалось даже о примерном поведении детей.

Великолепная семья из Лондона прилетела, прошла пограничный и таможенный контроль, состоялась короткая официальная встреча, посол Азербайджана в Москве и прилетевший посол из Лондона обменялись речами, после чего каждый сел в свою машину и покинул аэропорт. Прилетевший уехал из Шереметьева вторым, так как получал багаж.

Но машина посла, прилетевшего из Англии, в посольство не прибыла. Вскоре ее обнаружили в двух километрах от аэропорта, водитель был мертв, семья исчезла.

На данный момент удалось установить, что «Мерседес» посольства видели стоявшим на месте его обнаружения, у машины было проколото переднее колесо, рядом стояли две машины такси. Но проезжавшие не обратили на происходящее никакого внимания, приняв все за обычное дорожное происшествие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/leonov_nikolay/bespredel

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)